

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

— 1983 —

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1983

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Вяч. Вс. ИВАНОВ

МОСКВА
„НАУКА“
1984

мировой войны и предшествующих ей лет усилили этот комплекс, но он к ним не сводится полностью. Из биографического он стал историческим. Бобровского не устраивают и такие простые выходы, к которым относится, например, ссылка на многое, что было сделано учеными-немцами для описания литовского языка и культуры. Собеседники профессора Фойгта в "Литовских клавирах" поэтому и говорят о "воображаемом этнографическом музее". Такой музей еще не противоречит ассимиляции и уничтожению культуры, в нем частично сохраняемой.

Широта воззрений Бобровского и огромность того культурного фонда, на который он ориентировался, не вызывает сомнений. Он меньше всего был привязан только к локальной теме, ему навязанной самим местом и временем рождения. Через эту локальную тему просвечивала другая, гораздо более значительная. Объединение разных культурных традиций мыслилось им как условие для сохранения (реального, не воображаемого) каждой из них. Тоска по умершему языку — прусскому — была символом всей той горькой памяти о пруссах, которой посвящена его "Прусская элегия". Литовский журналист, говорящий на хорошем немецком языке с немецким профессором, ему отвечающим по-литовски, — этот диалог можно истолковать как языковое воплощение того, что мыслилось Бобровскому как выход из многовекового тупика. Каждый должен научиться языку другого, но именно для того, чтобы тот не исчез. Языковая структура "Литовских клавиров" отличается скупостью иноязычных (латинских и литовских) вкраплений в немецкую речь. Бобровского несколько не манило смешение языков и стилей (в этом его отличие от некоторых авторов XX в., которые не чуждались смешения, как тот же Т.С. Элиот). Его занимала идея синтеза — такого, где нашли бы свое место и живые балтийские традиции, и мертвая прусская.

М.Л. ПАЛМАЙТИС, В.Н. ТОПОРОВ

ОТ РЕКОНСТРУКЦИИ СТАРОПРУССКОГО К РЕКРЕАЦИИ НОВОПРУССКОГО

В контексте проблемы реконструкции, обозначенной в заглавии этой статьи, прусский занимает особое место среди других балтийских языков. С одной стороны, он отличается от литовского и латышского как мертвый и "неполный" язык, характеризующийся не только "закрытым" списком текстов, но и их малочисленностью (по этому признаку прусский противопоставляется санскриту, древнегреческому и латинскому, которые, будучи мертвыми языками, представлены огромным количеством текстов). С другой стороны, прусский отличается от других мертвых балтийских языков (явтяжский, куршский и т.п.), вообще не представленных текстами (так называемые "топономастические" языки), как язык, на котором написан ряд текстов. В связи с такими "неполными" языками, как прусский или готский, старославянский, древнеперсидский и т.п., особое значение приобретает реконструкция элементов системы или элементов текста, относимых к тому же самому состоянию языка, которое фиксируется уже имеющимися текстами, а не к более глубоким во времени состояниям языка. Поэтому основным становится вопрос о возможности (соответственно — об ограничениях) такой актуально-синхронной реконструкции, выступающей на поверхности, как в восполнение лакун текста и системы ("достройка" их до возможной полноты), осуществляемое

с достаточной степенью надежности. Решение этого вопроса о возможностях, естественно, в наибольшей степени зависит от специфических условий и характеристик конкретного "неполного" языка, точнее, его корпуса текстов (или, в несколько ином плане, их грамматического репертуара и их словаря в широком смысле слова). Содержание классического периода в исследовании прусского языка (Беценбергер, Бернекер, Траутман, Эндзелин, Герулис и др.) как раз и состояло в восстановлении фонетического, морфологического и лексического уровней языка на основании наличных текстов и отчасти имен собственных — местных и личных. В этом случае реконструкция в значительной степени совпадала с описанием языка, т.е. установлением инвентаря языковых единиц на каждом уровне, их элементарных объединений типа парадигм и определением их семантики, нередко выступающим как одна из возможных интерпретаций. Основная сложность такой реконструкции (описания) была связана именно с неполнотой материала, из-за которой часть языковых единиц оказывалась неучтенной или же недостаточно надежно определенной с точки зрения смысла (соответственно — функции). Наконец, следует считать и с теми трудностями, которые связаны со степенью сохранности дошедших до нас прусских текстов. Текстологическая критика выявила значительное количество ошибок и отклонений от "идеального" вида этих же текстов и частично компенсировала эти недостатки, сформулировав целый ряд приемов приближения к "идеальному" тексту (ср. конкретные конъектуры, эмэндации, часть которых носит бесспорный характер). Тем не менее в целом текстологические задачи оказываются решенными лишь в меньшей их части. Нет исследований, посвященных соотношению прусских катехетических текстов с их непосредственными источниками (немецкими версиями кратких катехизисов и Энхиридиона); нет конкордансов, списков повторов и вариантов, указателей цитированных мест из новозаветных текстов и т.п.; нет сопоставительных анализов прусского Энхиридиона с соответствующими текстами других традиций, прежде всего близких по языку, месту и времени создания (ср. литовские и латышские опыты переводов этого же текста в XVI в.), которые могли бы бросить луч света на некоторые не вполне ясные места прусского текста и установить степень специфичности прусского перевода и неявные принципы и особенности переводческой техники. Наконец, отсутствуют реконструкции прусского "прототекста" Катехизиса, понимаемого как теоретическая проекция данных, извлекаемых из сопоставления всех трех прусских катехизисов в их соотносимых частях (в самое последнее время появился ряд важных работ Toshikazu Inoue, посвященных сравнению сопоставимых частей трех прусских катехизисов, графологии прусских текстов и т.п.). Указание лакун в области "прусской" текстологии одновременно может служить перечнем основных задач, подлежащих решению и приближающих нас к реконструкции наиболее адекватной версии прусского текста чисто текстологическими средствами. Однако в связи с рассматриваемой здесь темой наиболее существенной представляется реконструкция, проводимая лингвистическими средствами и относящаяся к элементам языковой системы на разных ее уровнях.

Если направление и объекты лингвистической реконструкции определяются прежде всего лакунами в знании системы и ее элементов, то возможность удачной и надежной реконструкции зависит прежде всего от характера связи между известной частью системы (или некоей совокупностью ее элементов) и неизвестной, подлежащей реконструкции частью системы (или ее фрагментов). В одних случаях эти связи имеют характер автоматической импликации, в других они лишь предположительны и

реализуются не обязательно в виде единственной схемы. В подобной ситуации вероятностного выбора многое зависит от умения исследователя найти такое соотношение связей между известным и неизвестным, которое наиболее надежно объясняло бы реконструируемый элемент. Если находжение подобных схем зависит от наличия соответствующих эвристических процедур (как стандартных типовых, так и специально предлагаемых и носящих экспериментальный характер, ориентирующихся на решение индивидуальных, иногда уникальных задач), то сам объем подлежащего реконструкции определяется прежде всего соотношением известной части языковой системы и ее элементов и неизвестной части, иначе говоря, степенью полноты знаний о данном языке. Эта "полнота" должна оцениваться в двух аспектах — качественном ("полнота" уровневая, категориальная, граммемная, лексическая, конструктивная и т.п.) и количественном (насыщенность каждого элемента плана содержания конкретными примерами). К сожалению, несмотря на "закрытый" список прусских текстов, их малочисленность и однообразность и, следовательно, их легкую просматриваемость и простоту учета искомым языковым элементов, степень полноты восстанавливаемой системы прусского языка и отдельных ее узлов остается обычно не вполне ясной, затемненной так называемыми "составными" парадигмами и, во всяком случае, не эксплицированной с необходимой последовательностью и четкостью. В результате часть лакун практически оказывается скрытой или полускрытой, а отдельные фрагменты системы языка трактуются приблизительно, на глазок, что и объясняет разноречивость и даже противоречивость интерпретаций подобных фрагментов (характерный пример — описание системы глагольных наклонений разными авторами). Другой случай — когда остается практически не исследованным целый уровень языковой системы и не ясно, с какой полнотой имеющиеся языковые факты описывают структуру данного уровня. Именно такова ситуация в синтаксисе, и никакие ссылки на переводный, книжный, догматический характер прусских текстов, на их "искусственность" и однообразие не могут оправдать отсутствия сведений: о списке элементарных синтаксических конструкций в прусском; о типах их соединения (композиции) в более крупные комбинации, вплоть до фразы, правил развертывания и трансформации; о связях с основными смыслами, "разыгрываемыми" на синтаксическом уровне; о порядке слов в элементарных синтаксических конструкциях и порядке составных синтаксических единств в пределах предложения. Почти сплошной пробел в описании прусского синтаксиса делает сугубо условной и, так сказать, предварительной любую реконструкцию прусского текста. Более скрытыми оказываются лакуны в отношении целого ряда граммем (некоторые формы вообще не представлены и имплицитуются лишь на основании других форм той же парадигмы, отличающихся от незасвидетельствованной формы минимумом на один грамматический дифференциальный признак) или парадигм конкретных слов. Учет "пустых" мест в таких парадигмах особенно важен. Именно здесь следует видеть основной резерв для "восполняющей" реконструкции. В самом деле, подавляющее большинство слов в прусских текстах представлено практически "пустыми" парадигмами (значительная часть слов из Эльбингского словаря и словарика Симона Грунау, не встречающихся в связных текстах), где, собственно, есть только форма Nom.Sg. для имен существительных (изредка в результате своеобразной аттракции, объясняемой ситуацией получения словарной информации, вместо Nom.Sg. (или Pl.) в качестве словарной формы выступает Acc.Sg. (или Pl.)). Более того, в ряде случаев эта словарная форма Nom.Sg. должна трактоваться не столько как полноценное заполнение

хотя бы одного места в парадигме, сколько как заглавие — обозначение не вполне ясной парадигмы (ср., например, случаи, когда исход типа *-is* без дополнительных данных может пониматься как признак принадлежности к парадигме склонения основ на *-i* masc. или fem., или же на *-o*, или на *-io*). Другие слова представлены парадигмами, в которых заполнены лишь некоторые звенья (чаще всего Nom., Acc., Gen. в Sg. и Pl., другие типы заполнения встречаются существенно реже). Только наиболее употребительные слова знают достаточно полные парадигмы, хотя и среди этих слов, как правило, некоторые формы остаются неизвестными (так, слово для обозначения бога (*deiws*), встречающееся в прусских катехизисах немногим меньше 130 раз, не засвидетельствовано в формах Dat.Sg. и Pl., Nom.Pl., Gen.Pl.; частое в тех же текстах слово *genna* 'жена; женщина; домохозяйка', оказывается, ни разу не выступает в форме Nom.Sg. как и в Dat.Sg. и Pl., Gen.Pl.). В наилучших условиях в смысле полноты парадигмы находятся некоторые местоимения *as* 'я', *tu* 'ты', *stas* 'этот' (часто в функции определенного артикля). Такая же ситуация обнаруживается и в связи с глаголами с той разницей, что степень неполноты соответствующих парадигм оказывается еще более значительной, и это относится даже к таким употребительным и важным глаголам, как *asmai* 'есмы', *būton* 'быть' и т.п. Более того, неполнота конкретных парадигм глагола столь значительна, что в ряде случаев делает практически невозможным восстановление некоторых форм (например, модальных) даже в рамках относительно условной "соборной" парадигмы; иначе говоря, иногда остается неизвестной не только та или иная форма конкретного глагола, но и абстрактный тип флексии отдельных граммем. Можно пойти еще дальше и, без особого риска ошибиться, настаивать на принципиальной неполноте отраженного в известных текстах прусского инвентаря глагольных граммем.

В условиях большей или меньшей парадигматической неполноты конкретных слов к наиболее простым приемам "восполнения" относится "п р о г н о з а" ("проведение") слова, известного в данной форме (или формах), по другим звеньям (формам) грамматической парадигмы, которые не отражены в наличных текстах, но восстанавливаются в соответствии с автоматическими импликациями или элементарными аналогиями, обладающими высокой степенью достоверности. Уместно обратить внимание на то, что уже сама предварительная грамматически-словообразовательная классификация имен существительных по типам основ и глаголов по глагольным классам в условиях значительной неполноты соответствующих парадигм предполагает признание достаточно строгой системы импликаций, с помощью которых ряд звеньев парадигмы (а в удачных случаях и все не зафиксированные в текстах звенья) восстанавливается с неоспоримой точностью. К сожалению, существующие работы по прусскому языку лишь в виде редких исключений содержат перечень реконструированных в соответствии с правилами строгой импликаций форм. Поэтому объем подлежащего реконструкции (как и объем "бесспорных" реконструкций-импликаций) остается скрытым. Метод представления грамматического материала в "An Old Prussian Grammar" Шмолстига (а для глагола и в статье этого же автора в сборнике "Baltic Linguistics", 1970) эксплицитно выявляет заполненность материалом каждой из конкретных парадигм склонения и спряжения, хотя сам объем н е р е а л и з о в а н н ы х форм ("незаполненность") остается не вполне ясным, прежде всего в системе глагола, поскольку автор не дает полной категориально-граммемной схемы склонения и спряжения в прусском. Некоторые количественные данные проясняют степень полноты конкретных парадигм, по совокупности которых более сложным образом можно судить и о полноте всей морфологи-

ческой системы, отраженной в прусских текстах. Особенно важны данные, относящиеся к глаголу (в отношении имени существует несравненно большая ясность в том, что касается состава граммем склонения, не говоря уж о наборе категорий, задающих их схему). Количество граммем, существенных для описания глагольных форм в прусском (временных, залоговых, модальных, относящихся к *verbum infinitum* и т.п.), исчисляется несколькими десятками, приближаясь, вероятно, к сотне, что отчасти подтверждалось бы и данными о составе и количестве глагольных граммем в литовском и латышском языках. Разумеется, не каждая глагольная парадигма в принципе реализует весь набор граммем: разные участки системы глагола "отключают" участие в них тех или иных категорий, и поэтому любая конкретная парадигма практически оказывается более ограниченной в отношении числа описывающих ее граммем. Тем не менее практически ограничения, налагаемые характером известных прусских текстов, неизмеримо больше, чем собственно "грамматические" ограничения.

Несколько статистических данных. Из примерно 280 глаголов, зафиксированных в текстах прусских катехизисов, 160, т.е. приблизительно 57% всех глаголов, представлены лишь одной формой; немногим более 50 глаголов ($\approx 19\%$) — двумя формами; около 20 глаголов ($\approx 7\%$) — тремя формами. Иначе говоря, более $4/5$ всех глаголов (около 83%) в прусских текстах зафиксировано одной-тремя формами. Количество глаголов, представленных существенно большим числом форм, резко уменьшается: 8 глаголов зафиксированы в семи формах, по одному глаголу — в восьми, девяти, одиннадцати, тринадцати (*dāt/wei!*) и шестнадцати (*bout*) формах. Степень неполноты глагольных парадигм находится в отношении дополнительного распределения с той частью парадигм, которая составляет объем, подлежащий реконструкции. Но внутри этого последнего особо следует выделить ту часть, реконструкция которой является автоматической (ср. *Infin. wangint* $\supset$ 3. Praes. *wangina или обратно: 3. Praes *tūlninai* $\supset$ *Infin. *tūlnint* и т.п.) и в силу этой автоматичности скорее заслуживает названия "восполняющей" экспликации. Основу этой операции образуют те связи, которые существуют в глагольной системе между разными ее участками (например, между *Infin.* и основой *Praes.*, между основой *Praes.* и типом *Praet.*, между разными флексиями личных форм и т.п.). К сожалению, весь набор этих связей и сам характер зависимостей (абсолютный или вероятностный, направление зависимостей и т.д.) остается пока определенным лишь в самом общем виде и, во всяком случае, не сформулированным во всей полноте ни для конкретных парадигм, ни для их типов, хотя эмпирических наблюдений в этой области вполне достаточно для надежных выводов. Вообще следует обратить внимание на некий крен в исследованиях по глаголу в сторону эмпирических анализов и недооценку форм с точки зрения их информативных возможностей, понимаемых как набор своего рода "валентностей" данной конкретной формы в отношении "восполняющих" экспликаций. Еще проще обстоит дело с подобной операцией применительно к системе склонения ввиду более четкой и единообразной зависимости между известными элементами и элементами, которые не засвидетельствованы в текстах и подлежат восстановлению. В случаях подобной "восполняющей" экспликации риск ошибки практически минимален. Во всяком случае, он явно ни же той степени точности, которая характерна для большей части графических передач подлинных прусских форм, и поэтому им целесообразно пренебречь. Более того, "восполняющая" экспликация имеет то преимущество, что в результате ее применения "открываются" формы в их более достоверном морфо-

нологическом коде, минуя стадию графической записи, которая в наличных прусских текстах нередко оказывается непоследовательной, дефектной или даже просто ошибочной.

Применительно к синтаксическому уровню операция "прогонки" также относится к арсеналу средств реконструкции типа "восполняющей" экспликации. Конкретно в этом случае речь идет о "проведении" не засвидетельствованного в данном контексте слова (или слов) по определенным синтаксическим (в несколько ином аспекте — по фразеологическим) шаблонам в соответствии с принципиальной возможностью других слов того же класса входить в такие шаблоны (реконструкция, основанная на ситуации "вставления"). Впрочем, несмотря на использование той же самой процедуры "прогонки", характер получаемых результатов, как и степень их достоверности, оказываются иными уже в силу того, что в данном случае эксплицируются не новые элементы системы, в частности парадигмы, а новые элементы, входящие в заданные контексты, реально представленные имеющимися прусскими текстами. Тем не менее в результате применения этого приема к разным фрагментам языка и текста открывается перспектива формирования "расширенного" прусского, причем расширение касается и категориально-граммемного пространства, и самого текста, взятого *sub specie* синтаксической структуры, отдельные узлы которой заполняются новым (по сравнению с наличным) лексическим материалом. Таким образом формируется максимальный при соответствующих возможностях грамматический каркас для прусского языка как системы и как текста. При этом "максимальность" реализуется в том, что выявляется предельно большое количество элементов этого каркаса, который, следовательно, оказывается дифференцированным в наибольшей степени.

Дальнейшее "расширение" прусского языка логически увязывается с возможностями, предлагаемыми лексическим уровнем. В текстах на прусском языке (включая оба словаря — Эльбингский и Симона Грунау) насчитывается немногим менее 2250 лексем (ср. прусские словари в грамматиках Траутмана и Эндзелина). Эти лексемы распределены двояким образом — в текстах (три катехизиса, не говоря об отдельных немногих фразах на прусском языке, включенных в иноязычные тексты) и в словарях. В первых лексемы выступают в неких естественных контекстах (окружениях) и их семантика определяется не только соответствиями в переводимом на прусский немецком тексте, но и всем окружением во фразе и даже сверхфразовых объединениях. В последних (т.е. в словарях) лексемы даются изолированно, вне текста "естественного" типа; зато они организованы (прежде всего это относится к Эльбингскому словарю) в определенные семантические группы, внутри которых, как правило, распределение лексем обусловлено особым перечислительным принципом. В этих случаях словарная колонка, объединяющая семантически связанные слова в единую и замкнутую группу, может рассматриваться как "вторичный" текст "искусственного" типа. Определенные преимущества "текстов" словарного типа (семантическая обработанность; относительная полнота материала, которая для некоторых фрагментов может рассматриваться как почти исчерпывающая в рамках модели мира "среднего" объема; иерархичность всего "текста" и т.п.) уравниваются, однако, такими существенными недостатками, как ограниченность лексики почти исключительно классом имен существительных (прилагательные включены в словарь в сильно урезанном составе, например обозначение цвета; глаголы и местоимения отсутствуют и т.п.), и отсутствием для многих лексем контекстов диагностического типа. Источники расширения прусского словаря (лекс-

ческая реконструкция) довольно многообразны, и они уже были предметом обсуждения. Поэтому здесь достаточно указать лишь основные направления, в которых развивается лексическая реконструкция. Прежде всего речь должна идти о топонимических данных, во многих случаях содержащих в своей основе прусские аппеллятивы, отсутствующие в известных текстах. "Thesaurus" Нессельмана представляет собой одну из ранних попыток расширения состава прусских лексем за счет этого источника. После появления топонимического собрания Герулиса (около 3000 местных названий) и ономастического словаря Траутмана (около 2500 личных имен) сложилась надежная, хотя далеко не исчерпывающая все многообразие топонимического прусского материала база для поиска новых лексем и верификации уже известных. Следует отметить, что в ряде случаев лексическая реконструкция имеет своим результатом не только пополнение словаря прусских лексем, но и обнаружение (реконструкцию) единиц синтаксического уровня, в частности его сильно формализованной, нередко клишированной сферы, представленной фразеологизмами и поэтическими формулами. Особенно обильный и ценный материал представляют многочисленные в прусском двучленные личные имена, продолжающие архаичную индоевропейскую традицию. На их основе удается восстановить значительное количество конкретных реализаций таких элементарных синтаксических конструкций, как Subst. & Vb. (т.е. Nom. & Vb. или Acc. & Vb.), Adj. & Subst., Adv. & Vb., Adv. & Adj., Subst. & Subst., Adj. & Adj. и т.п. Многие из них представлены поэтическими формулами, имеющими не только индобалтийские и славянские параллели, но и соответствия в других индоевропейских традициях, отдаленных в пространстве и времени. Эти поэтические формулы, выделяемые при анализе определенного круга лексик, позволяют вскрыть фрагмент особого класса текстов, уходящих своими истоками в архаичный слой индоевропейской культуры. Весьма существенно, что реконструируемые на основании анализа прусских двучленных личных имен формулы поэтического языка открывают доступ к текстам с такими жанрово-стилистическими особенностями, которые иначе на прусском материале практически не восстановимы. Другим источником реконструкции прусской лексики нужно считать "прутизмы" в немецких говорах б. Восточной Пруссии, в польском, кашубском, белорусском (ятвяжские заимствования) языках, в литовских говорах Малой Литвы. Несмотря на то что достаточно целенаправленных исследований в этой области не проводилось, уже полученные результаты немаловажны. Характерно, что восстанавливаемые таким образом прусские лексемы позволяют судить о многих реалиях, относящихся к условиям жизни пруссов, их быту, занятиям, миру вещей и т.п., т.е. к той сфере материальной культуры, о которой как раз нет сведений в текстах катехизисов или они минимальны. От дальнейшего прогресса в этих разысканиях зависит постановка вопроса о реконструкции важных звеньев в прусских текстах соответствующего типа. Наконец, есть основания говорить еще об одной, отчасти экспериментальной сфере реконструкции неизвестных прусских лексем — о словообразовательном материале, внимательный анализ которого дает возможность с известной вероятностью восстанавливать не отмеченные в текстах словообразовательные типы при наличии в языке в слове данного корня образований с другими формантами. Во всяком случае, в ряде ситуаций вероятность существования в языке реконструируемых типов близка к очевидности (ср., например, тип отглагольных Nom. actionis, отличающийся столь высокой степенью регулярности, что задача реконструкции в этом случае приближается к рассмотренной выше "восполняющей" экспликации).

Большая часть рассмотренных до сих пор случаев лишь условно может

быть названа реконструкцией в собственном смысле слова. Речь идет скорее об эмпирических экстраполяциях отношений, засвидетельствованных в языке или в текстах, на некие определенные звенья языка, которые в силу случайных обстоятельств оказались незафиксированными в наличных прусских текстах. Как правило, такие экстраполяции восстанавливают элементы, относящиеся к тому же синхронному срезу, к которому принадлежат и известные элементы прусского языка (или соответственно фрагменты текста). Для такой операции "восполнения" не требуется иных знаний, нежели знание системы языка — ее категориально-грамматического каркаса и способов выражения соответствующих элементов. Разумеется, подлинная сравнительно-историческая реконструкция (так сказать, реконструкция *propter dicta*) носит существенно иной характер. Открываемые ею факты в любом случае лежат во временном отношении глубже, чем дошедшие до нас тексты. Более того, при достаточно глубокой реконструкции они могут оказаться ниже горизонта прусского языка, включаясь в более ранние языковые общности (западнобалтийскую, общеполнобалтийскую и т.п.). При такой реконструкции почти неизбежно обращение к данным других балтийских и, шире, индоевропейских языков как к источнику (субстрату) реконструкции в одних случаях или как к точке отсчета и средству контроля в других (ср. "внутреннюю" реконструкцию). Именно с такой реконструкцией связаны все наши представления о доисторических состояниях прусского и, вообще, балтийских языков. Однако тема реконструкции новопрусского в значительно большей степени (по крайней мере на начальных этапах ее обработки) предполагает тесную связь и зависимость от реконструкций — экстраполяций и экспликаций "восполняющего" типа.

Однако, прежде чем перейти к этой теме, уместно сказать несколько слов о реконструкции прусского текста в том аспекте, который соответствовал бы "восполняющей" экспликации элементов системы языка, т.е. об операции "восполнения" имеющихся прусских текстов, которая оказалась бы столь же надежной, как "восполнение" незафиксированных элементов языка (разумеется, в данном случае не ставится вопрос о степени филологической и текстологической надежности тех фрагментов текста, которые подлежат "восполнению"). Наиболее подходящим материалом для такого "восполнения" текста являются, видимо, включенные в Энхиридион цитаты из разных сочинений, входящих в Новый завет (в отдельных случаях сами фрагменты новозаветных текстов представляют собой цитаты или парафразы тех или иных мест из Ветхого завета). Ср. Матф. 22,21 (= К III, 57,19); Марк 16,15—16 (= К III, 41,1,13); Лука 10,7 (= К III, 55, 23); 1 Петр. 2,13—14 (= К III, 57,36—59,5); 3,1,6 (= К III, 59, 14—17); 3,7 (= К III, 59,8—11); 5,5—6 (= К III, 61,13—17); Римл. 6,4 (= К III, 43,8); 13,1—7 (= К III, 57,9—16,20—26); 13,9, ср. Левит 19,18 (= К III, 61,25—26); 1 Коринф. 9,9, ср. Второзак. 25,4 (= К III, 55,33—34; в тексте этот источник не указан); 9,14 (= К III, 55,23—25); Галат. 6,7 (= К III, 55, 26—28); Эфес. 6,1—9 (= К III, 59,19—21, 23—28; 59,31—61,10; в последнем случае источник в тексте не назван); Колосс. 3,19 (= К III, 59,12); 1 Фессал. 5,12—13 (= К III, 55,36—57,3); 1 Тимоф. 2,1—3 (= К III, 57,27—33; 61,26—27); 3,2—4,6 (= К III, 55,10—19); 5,5—6 (= К III, 61,20—23; в прусской части текста ошибочно отнесено к 1 Thessalo, 5); 5,17—18, ср. Второзак. 25,4; Матф. 10,10 (= К III, 55,29—35); Тит 1,9 (= К III, 55,16—19); 3,1 (= К III, 57,34—35); 3,5 (= К III, 41,24—28); Евр. 13,17 (= К III, 57,4—7; в прусской части текста указание новозаветного источника отсутствует). В Энхиридионе есть и другие упоминания источников (ср. ссылки на сочинения Павла — К III, 41,26; 49,3; 63,37, не считая 43,8/ = Римл. 6,4/;

на Матфея — К III, 49,2; Марка — К III, 49,2; 69,24; Луку — К III, 49,3). Кроме того, довольно значительные фрагменты Энциридиона представляют собой пересказ, обычно довольно близкий к подлиннику, содержания тех или иных частей Нового завета. Наконец, и в "самостоятельных" частях Энциридиона обнаруживается немало слов и выражений, которые могут с полным основанием служить переводом соответствующих элементов новозаветных текстов. Все эти благоприятные обстоятельства, к которым следует добавить еще одно — существенная часть Энциридиона (страницы 55—61 прусской части текста, по изданию Траутмана, и 172—192, по изданию Мажюлиса) представляет собой фактически монтаж из цитат разных частей Нового завета и, следовательно, может служить образцом очень высокого качества перевода новозаветных текстов с немецкого на прусский, — создают условия для экспериментального расширения (количественно очень значительного) имеющихся фрагментов новозаветных переводов на прусский язык. Оказывается, что во многих случаях в непере-веденных в имеющихся прусских текстах, но подлежащих надежному переводу новозаветных фрагментах известны в с е соответствующие прусские слова и практически все или весьма многие (реально или на уровне "восполняющей" экспликации) формы; нередко известны целые фрагменты прусского текста, которые в точности соответствуют отдельным, оставшимся без перевода на прусский, новозаветным отрывкам. В этих условиях перевод дополнительных отрывков на прусский язык становится почти автоматической процедурой, предельно напоминающей "восполняющую" экспликацию в связи с разными уровнями языковой системы. Естественно, что еще большая часть новозаветного текста допускает (доступна) частичный (хотя и достаточно полный) перевод на прусский язык, при котором сохраняется высокая степень понимаемости (осмысленности) переводного текста. Шансы, открывающиеся исследователю прусского языка, поставившему перед собой задачу реконструкции прусского текста, который по своей обоснованности и реальности в принципе не отличается от зафиксированных текстов, особенно велики именно в указанном направлении. Поэтому одной из настоятельных потребностей прусской "текстологии" нужно считать составление своего рода лексического и фразеологического конкорданса, который позволил бы точно определить, какая часть новозаветных текстов может быть полностью обслужена наличными средствами прусского словаря, в частности стандартизированными фразеологическими сочетаниями.

Операции типа "восполняющей" экспликации и экстраполяции, рассмотренные выше, позволяют в ряде случаев получать результаты, существенные с точки зрения сравнительно-исторической реконструкции. Вместе с тем приложение этого метода к прусскому материалу ставит исследователя лицом к лицу с совершенно новой ситуацией: оказывается, что применение таких операций ф а к т и ч е с к и указывает путь к некоему особому языку, сочетающему в себе "абстрактность" и регулярность. Свойство а б с т р а к т н о с т и вытекает из обстоятельств реконструкции этого языка: получаемые новые элементы языка не доказуемы с точки зрения прусской текстологии; таковыми они могут быть только в контексте языковой системы, я з ы к а (*langue vice versa parole*), т.е. некоей абстрактной модели, переход от которой к терминальным конкретным фактам для "неполных" языков типа прусского всегда несколько условен; наконец, известная "абстрактность" восполняемых элементов зависит и от самого источника восполнения: восстанавливаемая форма лишается "текстологической", в частности графической, конкретности (включая сюда аспект вариативности, отклонений от нормы, ошибок и т.п.) и ориентируется на

общее, т.е. на тип. Свойство р е г у л я р н о с т и, предполагающее упорядоченно-стандартизованную фонетику и грамматику (и соответственно такую же систему записи "восполняемых" элементов), определяется теми же условиями реконструкции, которые обуславливают и свойство абстрактности. Сама регулярность оказывается производной от наличного материала прусского языка в его, так сказать, теоретико-информационном аспекте: восстанавливается, "восполняется" только то, что "правильно", регулярно (т.е. выводимо по определенным правилам из известного материала).

Этот "абстрактный" и "регулярный" восполняемый язык в своей "восполненной" части апеллирует не столько к исторически засвидетельствованному прусскому языку, к которому, однако, он может быть предельно близок, сколько к и д е а л и з и р о в а н н о м у прусскому, тяготеющему в принципе к отрыву от реальной филологической и текстологической базы. Из сказанного вытекает, что "восполняющая" экспликация образует то средостение, которое связывает реконструкцию сравнительно-исторического типа с р е к р е а ц и е й, понимаемой как воссоздание во всей заданной полноте языка, исторически засвидетельствованного лишь частично. Такой язык, формируемый в результате рекреации и включающий в себя как реальное историческое наследие (конкретно зафиксированные тексты и лежащую за ними языковую систему), так и идеализированное "восполнение" недостающих элементов "исторического" языка, по необходимости двуприроден: он принадлежит в одной своей части и в одном из аспектов своего существования истории, поскольку он получен "восполнением" исторически реального и бесспорного ядра прусского языка, но в другой своей части в другом аспекте своего бытия он ориентирован на в н е и с т о р и ч е с к о е (или сверхисторическое) — как своей "восполненной" частью (см. выше), так и своим назначением — описывать принципиально новые внеположенные ситуации, часть которых возникает только после того, как реальный "исторический" язык пруссов уже прекратил свое существование.

Исходя из сказанного, язык, возникший в результате рекреации, состоит из двух частей. Первая включает в себя несколько упорядоченное и "очищенное" ядро старопрусской языковой системы. Вторая часть состоит из элементов и отношений "восполненных" в результате экспликации незасвидетельствованных на материале, предоставляемом старопрусскими памятниками, элементов. При этом следует заметить двустороннюю зависимость "наличного" и "восполняемого": последнее зависит от первого как от своего источника и без него невозможно; но и "восполняемое" в известной степени предопределяет, в каком объеме и в какой форме берется для подлежащего рекреации н о в о п р у с с к о г о языка старопрусский материал (в самом общем виде можно утверждать, что тем актуальнее для рекреации данный элемент старопрусского языка, чем "влиятельнее" он с точки зрения задач "восполнения" в количественном и качественном отношениях). Часть языка, образуемая "восполненными" элементами, неоднородна по отношению к критерию достоверности. Принципиально важно различать элементы, "восполняемые" а в т о м а т и ч е с к и и, следовательно, практически б е с с п о р н ы е с точки зрения языка (хотя и не единственные и даже не преимущественные по сравнению с другими возможными изофункциональными элементами), и элементы "восполняемые" н е а в т о м а т и ч е с к и, вероятность которых лишь относительно (неавтоматически "восполняемые" элементы всегда предполагают наличие некоей альтернативы, выбора, ситуации возрастания энтропии). Естественно, что эта последняя (неавтоматически "восполняемая") часть содержит в себе основные сложности и уже поэтому должна

привлечь к себе основное внимание специалистов при попытках рекреации языка. Особая важность решения этой проблемы объясняется, в частности, тем, что сами источники, пути и способы восстановления этой части принципиально многообразны и разнородны; в отдельных случаях приходится выходить вообще за пределы прусского материала или — внутри его — принимать решения чисто конвекционального характера.

Этот язык, программе рекреации которого посвящена вторая половина настоящей статьи, уместно называть *новопрусским*, а его самоназвание реконструировать в виде *Stai Nauna prūsiska biła* (сокр. — *N. prūs.*). Можно предложить и еще ряд названий *новопрусского*: лит. *Naujoji prūsų kalba*, лтш. *Jaunprūšu valoda*; русск. *Новопрусский язык*, польск. *Język nowopruski*, нем. *Neuprussische Sprache* (в соответствии с принятым в последнее время некоторыми специалистами различием *Prußisch* — прусский язык при *Preußisch* — немецкий диалект Пруссии), англ. *Modern Prussian*, франц. *Le prussien modern*, эспер. *la lġngvo nova prusa*, лат. *Lingua borussica nova*, греч. *Ἡ νεοπρωσική*, финск. *Uusprussilainen kieli*, венг. *Újporosz nyelv*, арм. *nor pruserel*, груз. *axali prusuli ena* (не *prusiuli!*), арабск. *al-luġatu 'l-burūsiyya al-ġadīda*, ивр. *p(e)rūšit haĥādāšā*, хинди *navprūśī bhāṣā*, японск. *kindai parotsuago* и т.д.

Название "*новопрусский*" подчеркивает отличие этого языка от старопрусского (древнепрусского) или просто прусского. Конкретнее это отличие может быть описано набором двоичных противопоставлений, при оценке которых следует воздерживаться от излишней прямолинейности и, наоборот, помнить об аспекте потенциальности (по крайней мере для отдельных членов этих противопоставлений): *новопрусский* отличается от старопрусского как потенциальный язык от уже осуществленного (реального) языка, как искусственный (экспериментальный) от естественного, как реконструированный (сформировавшийся в результате рекреации) от наличного (данного), как открытый от закрытого, как полный от неполного, как регулярный (стандартизованный) от нерегулярного (нестандартизованного), как новый от старого, как живой от мертвого, как ориентирующийся на универсальность от узкоконфессионального.

Смысл и цель рекреации *новопрусского* определяются теми более общими задачами, в связи с которыми и возникает сама идея рекреации: лингвистическими, теоретико-информационными, культурно-историческими и нравственными. Рекреация *новопрусского* призвана прежде всего решить, поставить или проверить возможности решения целого рода важных лингвистических проблем. Из них особенно существенны такие, как: восстановление дефектных парадигм имени и глагола, определение элементарных синтаксических конструкций, расширение словаря (в частности, за счет заполнения конкретным материалом наличных словообразовательных моделей); определение через "*достройку*" так называемой "*полной*" структуры языка в его синхронном состоянии (такая структура соответствовала бы идеализированному старопрусскому и представляла бы собой исходное состояние для *новопрусского*); установление направления развития старопрусского языка за пределы его реального существования по направлению к настоящему времени (тема "*à la recherche de l'histoire perdue*" и тема динамического аспекта — "*язык в действии*", осложненная необходимостью ее решения в вероятностном плане); выявление лингвистических источников как реконструкции, так и рекреации и т.п. Некоторые лингвистические проблемы связаны (или вытекают) с самой сутью эксперимента по рекреации *новопрусского*. Этот эксперимент с необходимостью выявляет и актуализирует некоторые, чаще всего игнорируемые исследователями аспекты старопрусского языка, в частности так называемые "*cases*

vides" системы и проблему выбора, когда одной единице содержания соответствует более чем одна единица плана выражения и наоборот. В теоретическом плане еще важнее сама глубинная зависимость между структурой эксперимента и структурой моделируемого им языкового состояния.

Другой круг задач, придающих смысл и определенную цель рекреации *новопрусского* языка, можно обозначить как *теоретико-информационный*. Необходимость решения проблемы перехода от неполного и нерегулярного старопрусского к полному и стандартизованному *новопрусскому* позволяет сделать важные выводы о характере зависимости между известными и неизвестными элементами и тем самым свести к минимуму энтропические явления, неминуемо возникающие при передаче информации во времени (старопрусский → *новопрусский*). Разумеется, что определение указанных зависимостей в синхронии (система старопрусского языка) и в развитии (история реальная и гипотетическая, являющаяся частью некоего мысленного эксперимента) оказывает большую услугу диахронической типологии.

Следующий круг задач, предопределяющих необходимость рекреации и, в свою очередь, зависящих от нее, определяется как *культурно-исторический*. В результате рекреации восстанавливается значительное количество языковых обозначений тех или иных элементов культуры древних пруссов и ряд фрагментов прусских текстов (мифопоэтические, юридические формулы, клише специализированных подязыков и т.п.), расширяющих и углубляющих наши представления о духовной и материальной культуре пруссов. Кроме того, увеличение числа текстов (пусть разной степени достоверности), связанное с рекреацией *новопрусского*, приводит к тому, что все новые и новые фрагменты прусской модели мира начинают описываться не извне (на латинском, немецком, польском, русском и других языках, строго говоря, не созданных для описания именно прусского универсума и лишь с условной приближительностью описывающих его), а *изнутри*, т.е. на своем собственном языке, который сам в конечном счете является составной частью прусской модели мира, не только ее отражающей, но и ее формирующей и в известной степени предопределяющей. При условии наличия *новопрусских* текстов (даже "*условного*" типа) культурно-исторического содержания исследователь в отдельных случаях вправе при решении сложных вопросов как бы отдаться на волю языка, внутренняя логика которого может вывести на правильный путь. При этом нередко оказывается, что, обретя свою прусскую форму, некоторые единицы содержания или целые их серии становятся достоверными (или более достоверными по сравнению с теми же единицами в иноязычной передаче). Так, например, немецкий текст ритуальной записки в адрес умершего (в разделе "*Von den todtēn*" из сочинения Иеронима Малетиуса), сочетающейся с элементами формулы плача, будучи переведенным на "*условный*" прусский, обнаруживает дополнительно свою стиховую природу: восстанавливается четырехстиховая строфа хореического типа, благодаря чему выявляется значительное количество новой информации по сравнению с немецкой формой того же текста, а сама формула оказывается включенной в целый ряд ей подобных, ее контролирующих и мотивирующих.

Наконец, есть еще один смысл рекреации *новопрусского*, оправдывающий и вдохновляющий ее, — *нравственный*. В условиях утраты больших духовных ценностей, неумолимой автоматизации жизни, все больше отчуждающейся от своих собственных истоков, роста беспокойства, неуверенности и страха в разных местах современного мира, прежде всего в Европе, в последние десятилетия возникает ностальгическая тяга к прошлому с его действительной или мнимой органикой, соприродной человеку

и человекообразной, к продумыванию альтернативных вариантов развития европейской истории, начиная со Средневековья, к возврату в той или иной форме к насильственно оборванному развитию культур и языков ряда народов, к признанию таких обрывов потерей не только для пострадавших и ушедших с исторической сцены, но и для уцелевших, для всех сознающих свое хотя бы частичное сиротство и обездоленность и к признанию своей ответственности и вины — исторической или личной — в этой потере. Та старая, давнишняя, до поры не осознаваемая вина оказывается тесно связанной с недавней, вчерашней, но живой и сегодня Nationalshuld. Гибель прусского космоса и острое сознание своей вины рождают желание сохранить в памяти утраченное, попытаться восстановить его, приобщиться к нему, сделав его и своим (другой, обратный вариант — художественные опыты “освоения” традиционным сознанием современной жизни во всей ее непривычности, ср. “Баллады Кукутиса” М. Мартинайтиса), тем самым открыв ему путь к новой послертвой жизни:

Dir
ein Lied zu singen,
hell von zorniger Liebe —
dunkel, aber, von Klage
bitter, wie Wiesenkräuter
naß, wie am Küstenhang die
kahlen Kiefern, ächzend
unter dem falben Frühwind,
brennend vor Abend —

deinen nie besungnen
Untergang, der uns ins Blut schlug
einst, als die Tage alle
vollhingen noch von erhellten
Kinderspielen, traumweiten —

damals in Wäldern der Haimat
über des grünen Meers
schaumigen Anprall, wo uns
rauchender Opferhaine
Schauer befiel, vor Steinen,
bie lange eingesunknen
Gräberhügeln, verwachsenen
Burgwällen, unter der Linde,
nieder vor Alter, leicht —

wie hing Gerücht im Geäst ihr!
So in der Greisinnen Lieder
tönt noch,
kaum mehr zu deuten,
Anruf der Vorzeit —
wie vernahmen wir da
modernden, trüb verfärbten
Nachhalls Rest!
So von tiefen
Glocken bleibt, die zersprungen
Schellengeklügel —

Volk
der schwarzen Wälder,
schwer andringender Flüsse,
kahler Haffe, des Meers!

Volk
der nächtigen Jagd,
der Herden und Sommergefildel
Volk
Perkuns und Pikolls,
des ährenumkränzten Patrimpel
Volk
wie keines, der Freudel
wie keines, keines! des Todes —

Volk der schwebenden Haine,
der brennenden Hütten, zerstampfter
Saaten, geröteter Ströme —

Volk,
geopfert dem sengenden
Blitzschlag; dem Schreien verhängt
vom

Flammengewölke —
Volk des fremden Gottes
Mutter im röchelnden Springtanz
stürzend —
Wie vor ihrer erzenen
Heermacht sie schreiet, aufsteigend
über dem Wald! wie des Sohnes
Galgen ihr nachfolgt! —

Namen reden von dir,
zerstretens Volk, Berghänge,
Flüsse, glanzlos noch oft,
Steine und Wege —
Lieder abends und Sagen,
das Rascheln der Eidechsen nennt
dich
und, wie Wasser im Moor,
heut ein Gesang, vor Klage
arm —

arm wie des Fischers Netzzug,
jenes weißhaarigen, ew'gen
am Haff, wenn die Sonne
herabkommt.

(J. Bobrowski. Pruzzische Elegie)

В этом новом контексте не может быть признан случайным интерес к пруссам, засвидетельствованный в научных исследованиях, художественном творчестве и опытах воссоздания некоего подобия ушедших в прошлое форм жизни и языка пруссов как средства устного и письменного общения

ограниченной применимости (в печати сообщалось о таких попытках, предпринимавшихся относительно замкнутыми группами лиц, возрождающих в новых более сложных формах руссоистские идеалы). Важно подчеркнуть, что с успехом этих попыток связываются ожидания психотерапевтического эффекта, который мог бы помочь отдельной личности или целому коллективу обрести душевную целостность и состояние нерасколости сознания и органической простоты отношений между человеком и миром, его окружающим. Нельзя, конечно, игнорировать и другую сферу, в которой происходят частичное “оживление” прусского и его актуализация через использование этого языка (разумеется, в очень ограниченных рамках), в так называемых “малых” жанрах — посвятительные надписи (дедикации), здравицы (устная форма), поздравления, письма и т.п. Во всяком случае, можно констатировать формирование определенных условий для того, чтобы использовать “условный” прусский язык для нужд “квазинаучного” (экспериментального) общения специалистов между собой.

В этой ситуации представляется вполне своевременным обращение к постановке задачи конструирования новопрусского языка, осуществляемого сознательно, целенаправленно и в соответствии с уровнем научного исследования прусского языка. Такая задача, говоря в общем, предполагает на первом этапе решение трех вопросов: 1) определение источников рекреации новопрусского языка (отчасти об этом см. выше; другие соображения на этот счет см. далее в связи с программой конструирования отдельных уровней системы этого языка); 2) составление проекта программы рекреации новопрусского языка по уровням (фонетика, грамматика, лексика, графика); 3) составление конкретных текстов на новопрусском языке, отражающих по возможности разные жанры. Ниже следуют некоторые предварительные предложения, которые в случае их одобрения могли бы послужить основой для последовательной рекреации новопрусского языка.

Прежде всего, конечно, уместно заняться формированием плана в ы р а ж е н и я новопрусского языка — графики и фонетики. Зависимость первой от второй не фатальна, но весьма существенна; кроме того, важность определения фонетического состава приобретает самостоятельное значение в случае устного общения на новопрусском языке, которое, хотя и не может, видимо, планироваться как основная или даже вполне равноправная форма существования новопрусского, тем не менее имеет прецеденты в этикетном использовании прусского языка (приветствия, элементарные вопросы и ответы, формулы вежливости, благопожелания, тосты и т.п.) и, следовательно, некоторые перспективы расширения. Наконец, не следует забывать, что подлежащие восстановлению новопрусские тексты в принципе должны допускать их у с т н о е п р о ч т е н и е. Именно поэтому первой задачей в серии работ по рекреации новопрусского является установление з в у к о в о г о состава этого языка (набор гласных и согласных, определение просодических элементов: долгота—краткость, ударность—безударность, следы интонационных отношений и т.п.). Разумеется, данные фонетики, как они восстанавливаются, на основании наличных прусских текстов и отдельных слов, служат главным источником при установлении звукового состава новопрусского языка. Вместе с тем при выработке “литературной нормы” с этими данными старопрусской фонетики как раз и связаны наибольшие трудности, которые подлежат решить или — в определенных случаях — устранить вообще, прибегнув к конвенциональным решениям (правда, последние уместны только при невозможности решить спорный вопрос по с у т и дела). Эти трудности связаны чаще всего с диалектными различиями между самландским (самбий-

ским) и помезанским диалектами прусского языка. При этом речь идет не только и не столько о различиях в составе звуков в этих диалектах, сколько о разных (исторически) отражениях одних и тех же исходных звуковых единиц, во-первых, и, возможно, во-вторых, о нескольких различных в каждом из диалектов характеристиках "одних и тех же" звуков (во всяком случае, подлежащих передаче общими для обоих диалектов графемами). Предварительно следует заметить, что предпочтение при конструировании единиц фонетического уровня должно быть оказано самландскому диалекту: именно на нем написаны все три катехизиса, которыми практически исчерпываются связанные тексты на прусском и которые доставляют огромную часть всех имеющихся в нашем распоряжении сведений об этом языке; в большей части случаев самландский диалект лучше сохраняет старую балтийскую языковую структуру, и в этом смысле его данные более "прозрачны"; лучшая сохранность самландского диалекта, занимающего часть непрерывного балтоязычного ареала и вместе с тем лучше изолированного от иноязычных влияний, чем помезанский диалект, как и ряд соображений исторического и культурного характера, лишней раз подчеркивают целесообразность ориентации на этот диалект (естественно, что при таком выборе значительная часть помезанских фактов должна быть подвергнута операции "самбизации" на фонетическом (иногда и морфологическом) уровне, хотя нельзя исключать, что в отдельных случаях придется использовать помезанские варианты — или по необходимости, когда они единственны, или в силу того, что они будут признаны более соответствующими формируемой искусственно звуковой системе новопрусского).

Другая трудность при звуковой кодификации новопрусских словоформ состоит в том, что в пределах только самландских текстов (или даже в пределах одного и того же текста) существует определенная вариативность на фонетическом уровне, объясняемая самыми разными причинами: неполная сбалансированность (унифицированность) с точки зрения исторического развития тех или иных языковых фактов; разные принципы филологического и текстологического построения катехизисов, включая сюда различия в уровне переводческой техники (ср. "полемичность" языка, в частности фонетической формы слова, Катехизиса II по отношению к Катехизису I); наконец, просто естественное стремление к разнообразию, с одной стороны, и столь же естественные ошибки и непоследовательности — с другой. Третью категорию трудностей при установлении звуковой формы новопрусских словоформ составляют случаи, связанные с непоследовательностью или хотя бы частичной двусмысленностью графической формы записи, представленной в прусских текстах, с точки зрения задачи обнаружения за данной графической формой ее звукового эквивалента. По выполнению названных выше задач результаты работы целесообразно представить в виде фонетической транскрипции всех прусских словоформ (как засвидетельствованных в старопрусских текстах, так и "восполненных" и реконструированных в статусе новопрусских). Основное требование к фонетической транскрипции — ее стандартность во всех более или менее ясных ситуациях (в неясных случаях, когда такая транскрипция не может быть автоматической или когда принимается "исключительное" решение, требуется специальная мотивировка того или иного выбора). Менее важные требования, связанные с более подробной детализацией звукового вида слов, хотя для "устного" варианта новопрусского существенны указания таких признаков, как палатализованность, лабиализованность, долгота, ударение, типы сандхи и т.п. Тем более важны такие указания для специализированных "научных" транскрипций, решающих одну из двух

задач, — максимально точная акустическая характеристика или опыт фонематической записи. Практически, однако, достаточны выработка принципов "условно"-фонетической записи и полное проведение их на всем объеме материала. Наличие формы такой "условно"-фонетической записи позволило бы простейшим образом решить вопрос выработки графической формы записи, которая могла бы достаточно полно, последовательно и просто ориентироваться на эту "условно"-фонетическую форму. При обсуждении частностей графической формы фиксации, видимо, следовало бы учесть опыт графической системы восточнобалтийских языков (способы замены двух-, трехграфемных сочетаний, передающих один согласный звук в прусских текстах, через одну графему с введением диакритики, обозначение палатализованных согласных, долготы и т.п.).

Другие проблемы выступают на первый план в связи с программой, предусматривающей создание (и описание) новопрусской морфологии. Прежде всего необходимо определение морфологического пространства имени и глагола, для чего потребуются, во-первых, установление списка всех грамматических категорий новопрусского и, во-вторых, выявление всех видов сочетания этих категорий друг с другом (граммем), благодаря чему выявляется структура абстрактной парадигмы (имени, глагола, местоимения). Однако для синтезирования конкретных словоформ нужна информация о принадлежности данного слова к тому или иному типу основ, о том, какие флексии обслуживают в данном типе основ подлежащую синтезированию граммему (в ряде случаев необходимы и более специальные знания, например, о морфологическом виде основы слова в данном месте парадигмы). Программа должна уделить особое внимание некоторым особенностям, вытекающим из конкретных условий истории прусского языка в XVI в. (когда морфологическая система впитала в себя ряд элементов чужезычной системы) и из обстоятельств фиксации прусского языка в письменных текстах. Преодолевая соблазны более глубокой реконструкции, следует рационально устранить, например, сложность, связанную с рекреацией значительного количества глагольных форм, относящихся к косвенным наклонениям. В сфере склонения имени предстоит определить границы употребления формы *Acc.*, обнаруживающего тенденцию к частичному превращению в замену *Dat.* и обобщению, ср.: *en dangon* 'в небе' (при *en mattei*, *Dat.*) или *en schan madlan*, *en maian krawian*, *en stan buttan* и т.п. Несомненно, нужен ряд уточнений в области синтаксических значений падежных форм (то же относится к размежеванию некоторых модальных форм глагола). Результаты рекреации морфологической системы новопрусского могли бы быть представлены в виде перечней категорий и образуемых их сочетанием граммем; списков всех типовых парадигм грамматической информации при каждом изменении слова (тип основ и т.п.); указаний исключений и особых замечаний. При постановке задачи рекреации новопрусской морфологической системы в достаточно полном виде неизбежно обращение к сфере типологических импликаций, с одной стороны, а с другой — к конкретным морфологическим системам родственных языков, прежде всего литовского и латышского, но также и некоторых славянских (например, кашубского, серболужицких), оказавшихся отчасти в сходных условиях (наличие сильного немецкого влияния); в известной степени сюда же относятся и некоторые говоры балтийских языков, подвергшиеся аналогичному воздействию (ср. говоры Клайпедского края).

Синтаксическая программа должна предусмотреть ответы на такие вопросы, как порядок членов в элементарных синтаксических конструкциях, порядок слов во фразе, способы связи в предложениях сложно-

подчиненного типа, не говоря уж о многочисленных более частных темах. Поскольку синтаксическая зависимость прусских текстов от соответствующих немецких очень значительна, возникает задача "восполнения" синтаксического репертуара путем некоторой "балтизации" (речь идет о стандартизации отдельных видов абсолютных конструкций, введении ряда синтаксических идиоматизмов, решении некоторых вопросов синтаксической семантики и т.п.). Естественно, что аналогии с синтаксическими особенностями литовского и латышского языков и в этом случае должны сыграть значительную роль в формировании синтаксической структуры новопрусского языка. Практически, однако, в первых опытах рекреации новопрусского и создания новопрусских текстов допустимо использовать "неполный" и несколько обезличенный в отношении языкового типа синтаксис. Дальнейшая специализация и прогресс в этой области в известной степени связаны с разработкой разных видов новопрусских текстов исследованием глубинных синтаксических структур в живых балтийских языках.

Особое место в программе должно принадлежать лексике. Специфика старопрусского словаря (тематически узкий круг лексики, определяемый характером текстов — все три текста представляют собой катехизис; "предметная" ориентация прусских словариков и т.д.) в очень значительной степени ограничивает возможность конструирования текстов на старопрусском языке, выходящих за пределы религиозно-практической и церковно-учительной тематики. Во многих случаях обнаруживается нехватка важных слов (например, в сфере глагола, прилагательного и т.п., экспрессивных слов). В других случаях слова известны, но они фиксируются лишь в каком-нибудь одном значении и к тому же оказываются включенными в специфические контексты, что нередко препятствует восстановлению семантической структуры слова в ее хотя бы приблизительной целостности. Если учесть, что опыт рекреации новопрусского может оказаться успешным лишь в том случае, если удастся преодолеть закрытость языка за счет композиции новых текстов (причем их увеличение должно предполагать освоение новых тем, новых жанров, новых стилей), то становится ясным, что именно от решения лексической проблемы в первую очередь зависит весь эксперимент рекреации. Роль других уровней языка в этом смысле менее значительна, учитывая, что уже старопрусские данные обеспечивают нас в принципе удовлетворительным знанием состава звуков и набора грамматических единиц, количественно исчислимых, ограниченных относительно небольшим числом и представляющих собой закрытые множества. Поэтому именно в связи с лексикой особенно остро встает вопрос об источниках ее расширения. Выше указывалось на определенную роль в этом отношении реконструкций апеллятивов по топонимическим данным, прутенизмам в соседних языках и в субстрате и т.д. Тем не менее в целом эти источники не могут удовлетворить потребностей текстов, без которых не может быть и речи о полноценной рекреации новопрусского языка. Следовательно, возникает вопрос об использовании в нем и в отношении к прусскому языку источников. Именно здесь выход за пределы внутренних ресурсов особенно бросается в глаза, а отклонение новопрусского от старопрусского ("лексический" разрыв между ними) оказывается не только наибольшим по сравнению с другими уровнями, но и потенциально возрастающим неограниченно. Это последнее обстоятельство теоретического характера задает некий практически целесообразный предел идеальному словарю новопрусского языка, хотя само понятие целесообразности может получать разные интерпретации.

Согласно одной точке зрения, количество слов, "восполненных" на основании внешних (и, в частности, условных) источников, не должно

превышать число слов, известных из старопрусских текстов или надежно восстанавливаемых по другим внутренним источникам. В противном случае есть риск такого "разжижения" собственно прусской лексики, при котором нарушается разумный баланс своего и чужого и весь эксперимент рекреации ставится под удар: во всяком случае, он становится малоэффективным уже в силу того, что обилие внешних, в принципе условных элементов лишает текстовые реконструкции их обьяснительной силы (объяснительная же функция подобных реконструкций должна служить своего рода контролем их и, более того, их оправданием).

Согласно другой точке зрения, предполагающей несколько иную установку, количество рекреированных слов на основании внешних источников может быть сколь угодно большим и определяется исключительно практическими потребностями. При всем различии этих точек зрения роль на первом этапе рекреации относительно ограниченное число лексем. От степени обоснованности их зависит многое и при переходе к последующим этапам лексической рекреации. В силу сказанного к расширению прусской лексики за счет внешних источников необходимо подойти с максимальной осторожностью и особым чувством ответственности. Видимо, целесообразно постепенно (и при этом лишь в случае крайней нужды) наращивать такой "внешний" словарь и не стараться доводить его до теоретически мыслимого предела. В известной степени условно можно было бы на первом этапе ограничиться сотней—двумя слов балтийского происхождения и примерно таким же количеством интернациональных лексем. В обоих случаях главным источником и ориентиром должны стать литовский и латышский языки (в некоторых случаях допустима рекреация на базе славизмов, особенно в случае, если соответствующие славизмы есть в восточнобалтийских языках и/или они являются характерной чертой лексики ареала, включающего историческую территорию прусского языка). В ситуации, когда есть необходимость восстановить некое слово, отсутствующее в прусском, возможность такого восстановления определяется соотношением фактов в восточнобалтийской лексике. Предпочтение должно оказываться тем реконструируемым как "новопрусские" лексемам, которые поддержаны сопадающими словами в литовском и латышском (дополнительное преимущество, когда к этому единству подключаются и славянские соответствия). Точно так же более надежными следует считать те восстановленные по внешним источникам лексем, которые хотя бы в отдельных своих словообразовательных элементах (префикс, суффикс) подкреплены прусскими аналогиями. Наконец, в случае полного расхождения между производными лексемами литовского и латышского языков можно обратиться к славянской деривационной модели или даже к славянской корневой реконструкции (ср. лит. *palikuonis*, лтш. *pētecis* /нем. калька/: н.-прусс. *pansdaunikis* в соответствии с слав. **potomъkъ*). Возможно, что прогресс в области лингвистической географии (ср. "географию слов"), отраженный в созданных или создаваемых лингвистических атласах литовского, латышского, кашубского, польского, белорусского, в диалектографических исследованиях немецких говоров бывшей Восточной Пруссии и т.п., настолько расширит наши представления о лексической структуре данного ареала, что в распоряжении исследователей окажутся новые дополнительные критерии, если не надежности, то, во всяком случае, правдоподобности или лингвистической целесообразности предлагаемой "внешней" рекреации новопрусских лексем. Разумеется, и в случае формирования фонда необходимой лексики интернационального типа, без которой невозможно составление многих видов новопрусских текстов современной тематики (политика, наука, философия, техника, отчасти сфера

социально-экономических отношений, многие аспекты современной жизни и т.д.), придется исходить из опыта соответствующей лексики в литовском и латышском, а отчасти и польском, немецком и т.п.

Результаты, достигнутые в формировании новопрусской лексики, могли бы быть изложены в ряде словарей и специальных словарных списков. Особая нужда существует в составлении двух словарей — максимально расширенного новопрусского (с указанием типов лексем с точки зрения источников их рекреации) и иностранно (литовского, русского, немецкого и т.п.)-новопрусского словаря, который включал бы в себя, с одной стороны, все слова (понятия), которые имеют прусский перевод, и, с другой — некий минимум слов, для которых в новопрусском словаре нет соответствий и которые восстанавливаются по внешним источникам с большой степенью условности. Для лучшей обозримости и в целях удобного обсуждения эти последние (лексемные конвенционального типа), как и слова интернационального характера, уместно представить и в выделенной форме (например, в виде отдельных списков). Полезны и списки слов, распределенные по грамматическим классам слов, внутри которых лексемные были бы организованы по семантическому принципу. Наконец, особого выделения заслуживают списки слов (понятий), подлежащих “восполнению” в новопрусском. Каждое из таких слов, для которых необходимо найти новопрусский перевод, могло бы стать поводом для своего рода лексического конкурса. По мере прогресса в области расширения новопрусского словаря, несомненно, возникнут и более специальные задачи, связанные, например, с формированием фразеологических сочетаний, идиоматизмов, специфических формул, синонимических рядов и т.п.

Из вышеизложенного следует, что результатом (причем наиболее сильным и единственно достоящим) рекреации новопрусского языка и одновременно лучшим оправданием ее могут быть реконструкции новопрусских текстов. С известным основанием можно утверждать, что рекреация языка делает возможным порождение текстов и сама живет ими. Поэтому программа рекреации новопрусского с неизбежностью приводит к постановке вопросов о том, какие тексты на этом языке могут быть воссозданы, какие тексты было бы желательно восстановить, каковы источники рекреации новопрусских текстов, каковы критерии надежности и целесообразности подобных текстовых рекреаций. В более отдаленной перспективе не может не возникнуть и еще один вопрос — о типологии жанров новопрусских текстов. В настоящей статье эти вопросы могут быть затронуты только частично, а соображения по их поводу излагаются в самом кратком виде.

Наиболее достоверно и просто воссоздаются прусские тексты религиозного содержания, поскольку налицо источник такой реконструкции — катехизисы. В случае таких рекреаций (об их надежном ядре см. выше) результаты оказываются отнесенными практически равным образом и к старопрусскому, и к новопрусскому. Именно в этих случаях старопрусское и новопрусское выступают в их неразъединенности как две реализации единого целого (эта ситуация, возникающая на материале текстов, имеет аналогии и в связи с языковой структурой, в рамках которой также выделяется общая часть, характеризующая старопрусское состояние и одновременно полагаемая в основу новопрусского). Конкретно, кроме собственно катехетических текстов, доступны реконструкции, в основном “восполняющего” типа, и другие разновидности религиозных текстов, относящихся к христианской конфессии. Особенно реальна задача реконструкции текстов проповеднического характера (слои, отчасти намечаемый внутри катехетического жанра) и текстов, представляющих собой перевод

евангельских фрагментов (в частности, содержащих относительно простые сюжетные схемы, как, например, в некоторых притчах). Не меньшие основания существуют для перевода известных молитвенных текстов, поскольку

ку прусские катехизисы (как и фрагменты типа *Towe Nuffze kōß effe andan-gonfvn swyntin* или *sta nossen rickie, nossen rickie*) содержат в себе часть типовых блоков, из которых производится монтаж молитв или отдельных их частей. Но есть некоторые основания для реконструкции текстов, так или иначе связанных и с прусским язычеством, в частности отдельных ритуальных формул. В качестве источника реконструкции могут быть названы разрозненные прусские фразы, приводимые Иеронимом Малетиусом и включенные в немецкоязычное описание ритуалов (ср.: *Ocho moy myle Schwante panicke; Kellewefze perioth, Kellewefze perioth; trencke, trencke; Geygey begete pockolle* и др.). В ряде случаев исходным пунктом реконструкции оказываются немецкие версии прусских ритуальных формул (призываний, молитв и т.п.). В другом месте была предпринята попытка восстановления прусского текста ритуального обращения к покойнику на основании фрагмента из сочинения того же автора (главка “Von den todten”): *Ein itzlicher trincket dem todten zu vnd spricht: kayls naussen gingethe, ich trincke dir zu, unser freund; warumb bist du gestorben? hastu doch dein liebes weib, dein vich, deine kuhe? reimens alles herfür* (“Wahrhaftige Beschreibung der Sudawen auf Samland...”). Число таких фрагментов можно значительно расширить; ср. в том же сочинении: *So vmbfahen sie die Braut vnd sprechen: O how mein liebes freundichin muhe dich nicht so harte, sihe dein bleslin möchte der zubersten, das du nicht tuchtig werdest deinem manne; — Wenn er dann zu drei malen vmb den wagen so spricht: Wie du hast in dem hause deines lieben vaterlins vorwaret dein fewerlin, also wirst du auch thuen, nu es dein aigen sein wirdt vnd schencket der Braut; — Der sehet vber die braut vor allen thuren vnd spricht: Vnser götter werdens dir alle genüge geben so du wirst ein vnserm glauben bleiben vnserer vetter; — ...sprechende: die meidlin, die du tregest, sein von deinem fleische; bringest du ein menlin, so ist deine Jungfrawschafft aus* (“Von jren Sponsalien vnd vorlubnissen”); — ... sihet gen himmel, hebt seine hende auff vnd spricht; O du mechtiger Gott des himmels vnd des gestirnes, durch deine krafft vnd macht gebeut deinen knechten auff das dir deine Ehre nicht entzogen werde, das dieser Dieb nicht möge Rast noch Ruhe haben, es seidann, er komme wider vnd bringe was gestolen ist; — ...spricht: Sihe sein das nicht feine schöne wort von Gott, noch müssen wir vorhönet vnd vorskottet werden, vnd man wirdt vns darumb brennen, drewen vns zu thörmen. Nu hastu einen solchen fehl oder schelungen, ist das nicht gut, das ich dir hulffe thue mit Gottes worten? Den Menschen geschicht zum Besten, das diebe gestrafft worden vnd Gott zu Ehren (“Ist imands bestolen”). Весьма полезными могут оказаться попытки новопрусских переводов сходных по типу фрагментов из “*Deliciae Prussicae*” М. Преториуса; ср., например: *Nein, sprach er, es stecket in dieser Eichen ein heiliges Feuer...; — Die Eiche, sprach er, gehöret dem Perkunas; Gott wird dich strafen, so du sie anrührest*

(Кар. VI, § 4) и др. В конечном счете к этому же кругу относятся и ритуальные здравицы, восстановлению текстов которых способствуют сохранившиеся следы их в текстах, описывающих обычаи старых пруссов, ср.: *Kailejs noussen gingis* (см. выше); *Kayles pofkayles enis perandros* (из Иеронима Малетиуса) и новооткрытый базельский текст (*Kayle rekyfe...*). Наконец, в качестве источника реконструкции может быть использована и запись прусской поговорки аллитерированной формы (*Dewes does dantes, Deves does geitka*).

Перечисленными примерами, собственно и ограничиваются возможности такой реконструкции прусских текстов, при которой связь с действительным прусским субстратом сохраняется — или с его языковой формой, или по меньшей мере с точным его смыслом. За этими пределами открывается довольно широкая область композиции новопрусских текстов, при которой связь с конкретными источниками на прусском языке или не может быть доказана (хотя есть основания думать о существовании прусских текстов соответствующего типа, позже утраченных), или вообще маловероятна, или, наконец, полностью исключена. К п е р в о й категории могли бы относиться композиции прусских фольклорных и мифологических текстов (ср. собрание немецкого фольклора, особенно сказочного, из Восточной Пруссии или схемы прусских мифов и ритуалов, частично воссоставляемые по описаниям прусской языческой мифологии в сочинениях старых авторов; отчасти существуют основания для реконструкции некоторой части прусских текстов паремииологического жанра). К в т о р о й категории случаев следует отнести композиции текстов, которые, строго говоря, не имели реальных предшественников в старой прусской традиции, хотя, несомненно, существовали или могли существовать некие устные заготовки по соответствующим темам. К таким потенциальным текстам могли относиться композиции, описывающие жизнь древних пруссов — окружающий ландшафт, быт, хозяйство, занятия, семью, социальные отношения, обычное право, географию Пруссии и смежных территорий, отдельные исторические события, ставшие частью устного предания. В некотором смысле субстратом таких композиций можно было бы считать отрывки из описаний пруссов у Дюсбурга, Грунау и ряда других историков, с одной стороны, и имеющиеся в науке этнографические описания (с XVII в.) населения прусских земель, ориентирующиеся на наиболее архаичные и устойчивые признаки крестьянского патриархального быта — с другой. К т р е т ь е й категории относятся тексты-композиции, которые принципиально не могли существовать у пруссов уже в силу их ориентации на реалии, темы и жанры “послепрусской” эпохи. Речь идет в данном случае о возможности предельно независимых от прусских реалий композиций текстов “научного” типа, попыток переводов на новопрусский язык разных текстов (прежде всего исторических и художественных, посвященных пруссам); сочинения писем, записок, дарственных надписей на книгах и т.п. Разумеется, эти последние композиции не могут не носить чисто экспериментального и весьма условного характера. В них акцент ставится на я з ы к о в ы е возможности моделирования неких смыслов, а не на проблему реальности таких текстов в прусской традиции. Естественно, что каждая из названных категорий формируемых новопрусских текстов преследует свои особые цели и, в частности, поэтому заслуживает дифференцированной оценки. Ниже следует несколько таких экспериментальных композиций новопрусских текстов (см. П р и л о ж е н и е).

Начиная этой статьей публикацию ряда опытов по рекреации новопрусского языка, авторы рассчитывают на обсуждение выдвигаемых проблем специалистами в области прусского и балтийского языкознания.

1. Pater Noster.
Nūsan Tawa ēndangun,
Swintints wirsei Twajs emnens,
Perēisei Twajs rīks,
Twajs kwājts audasei sin
kāgi ēndangun, tīt dīgi nōzamei.
Nūsan deininin geiten dais nūmans šandeinan
be etwerpeis nūmans nūsan aušautins
kāgi mes etwerpimai nūsan aušautenīkamans,
be ni wedais mans en bandasenin,
sklāit izrānkais mans eze wārgan.

2. Ave Maria.

Kails Marija, etnētis pilnai, Rikīs sen Tebei. Tu pagirta sirzdau genans be pagirts Twajās kērmens wēisis Ižus. Swinta Marija, Deiwas Mūti, madleis pērmans grīkenikans teinū be en kisman nūsas galas.

3. Eze Ebangeljan Swintas Jānas pagan, VI, 26—66.

“Arwiskai gerdauj jūmans: laūkati men ni stese pagan, kai widāiti zentlens, sklāit stese pagan, kai geiten īditi be wirtaiti sātwiniai. Jūsgi tikinaiti ni landan nīxtantin, sklāit landan, palīnkantin en prābutskai geiten, kawīdan wīrst jūmans dawuns Zmunentes Sūnus, begi tenan ebzentliwuns Deīws Tāws”. Tadan tenesmu bilāja: “Kagi segītun, kai enstenglimai Deiwas dīlans?” Ižus ettrāja: “Sta ast Deiwas dīla, kai druwīliti enstan, kan Tāws ast pertenginuns”. Tenei etkūmpas bilāja: “Kawīdan zentlen tu tikina, kai mes izwidlimai be endruwīlimai? Nūsan tāwai īdusis en paustrei manan, kāgi ast peisātan: Tāns dāja tenēimans geiten iz dangun”. Tadan Ižus gerdau: “Arwiskai gerdauj jūmans: ni Mūzi dāja tenēimans geiten iz dangun, sklāit majs Tāws dast jūmans tikran dangus geiten. Deiwas geitis ast, kas trepa iz dangun be dast gīwen stesmu swītan”. Tenei bilāja: “Rikī, dais nūmans ainat stese geitis!” Ižus ettrāja: “As asmai gīwis geitis. Kas ēit prēimen, ni izalkst, be kas druwēj en men, ni izsaust. Sklāit as jūmans gerdauj: jūs widāiti me be ni druwēiti. Visai, kans Tāws menei dast, perēit prēimen be perēinantin prēimen as ni etkūmpina. As asmai autrepuns iz dangun ni swajan kwāitan izpilnintun, sklāit kwāitan stesei, kas pertenginuns men. Be majas Pertengewingis kwāits ast, kai as ni izmaitinlai ni ānan ezestan, kans Tāns menei dāja, sklāit etskīnlai en pansdaumanei dēinan. Sta ast majas Tāwas kwāits, kai erains, kas wīst Sūnun be druwējadin, turīlai prābutskan gīwen, stese pagan as tenan etskīna en pansdaumanei dēinan”. Tadan Ižū dai murau, kai tāns gerdau “As asmai geitis autrepuns iz dangun”, be bilāja: “Anga tāns ni Ižus, Jūzapas sūnus? Anga mes ni zinimai tenese tāwan be mūtin? Kāgi tāns mazi gerdaut “As asmai autrepuns iz dangun”? Ižus tenēimans ettrāja: “Austaiti sirzdau sebebi murawuns! Niainunts ni perēit prēimen, ikai Tāws, kas ast pertenginuns men, tenan ni patēnse, be tenan as etskīna en pansdaumanei dēinan. Ast peisātan eze prawāistnīkans: “Wisai wīrst mukinamai eze Deiwas”. Kas izkirdāja iz Tāwan be pamukinājasin, perēit prēimen. Ni stese pagan, kai kas būlai Tāwan wīduns — ter kas ast eze Deiwas, tāns wīduns Tāwan. Arwiskai gerdauj jūmans: kas druwēj ēnmen, turēj prābutskan gīwen. As asmai gīwis geitis. Jūsan tāwai īdusis manan en paustrei be auliau. Sklāit stwi šis geitis ast pertenginuns iz dangun, kai, kas wīrst tenan īduns, ni auliaūlai. As asmai gīwans geitis pertenginuns iz dangun. Kas wīrst īduns stan geitin, wīrst gīwuns prābutskan. Geitis, kan as wīrst dawuns, ast majs kērmens per swītas gīwen”. Tadan Ižū dai rīgau sirzdau sebebi be praši: “Kāgi tāns mazi dātwei nūmans tīt swajan kērmens?” Ainawīdi Ižus waitājā: “Arwiskai gerdauj jūmans: ik jūs ni wīrst īduns Zmunentes Sūnus kērmens be ni wīrst pujawuns tenese krāujan, jūs ni wīrst turēwuns ēnsen gīwen. Kas tīt majan kērmens be puje majan krāujan, tāns turēj prābutskan gīwen be as tenan etskīna en pansdaumanei dēinan. Majs kērmens ast arwiskai tīdis be majs krāujis ast arwiskai pūwis. Kas tīt majan kērmens be puje majan krāujan, stas palīnka ēnmen be as en tenesmu. Kāgi men ast pertenginuns gīwans Tāws be as gīwa pra Tāwan, tīt ir tāns, kas men tīt, wīrst gīwuns pramen. Stwi ast geitis pertenginuns iz dangun. Tāns ni ast, kai stas, kan tīd jūsan pratāwai be auliau. Kas wīrst īduns šen geiten, wīrst gīwuns prābutskan”. Sta wisa tāns augerdau, mukinans en Kaparnaumas sinagugai.

Sta izkirdusis, tūsenis tenese maldaisan gerdau: “Drūktai ast tenese wīrdai, kas mazi klausītwei stawīdāns!” Ižus, waidans, kai maldaisai murauj pērtan, praši: “Sta wargina wans? Ader kas būlai, ikai izwidlītai Zmunentes Sūnun unzeitrepantin stwen, kwei tāns bē angsteinis? Nōseilis dast gīwen, sklāit kērmens ni dast ni ka. Wīrdai, kans as jūmans gīlīwuns, ast nōseilis be gīwi, ader dezns eze wans ni druwēj”. Begi Ižus iz pagausenin waidāja, ir kas ni wīrst druwēwuns, ir kas wīrst tenan prawīluns. Tāns daber gerdau: “Stwi kесе pagan as jūmans gerdau: ni ainunts ni perēit prēimen, ik tenesmu ni wīrst būwuns datan eze Tāwas”. Iz tadan ni likut tenese maldaisan autēnsējasin be niau neikau sen tenesmu.

4. Фрагмент плача в стихотворной форме (пер. из гл. “Von den toden” сочинения “Warhafftige Beschreibung der Sudawen auff Samland sambt ihren Bockheyiligen vnd Ceremonien”, 60-е годы XVI в.).

Kails nūsan gingiti!
 As puje pērtēn, nūsan gingil
 Kespagan tu auliawa —
 MPan genan anga nitur?
 Anga nitur swajan peku?
 Anga nitur swajan klintin?

5. **Возглашение из описания прусского ритуала (перевод).**

O Tu, warewingis Dēiwa dangus be lauksnān, kas ast pra Twajan waren pateikūtai Twajmans waikamans, ni būsei autēnsta Twaja teisi, šis rangīks niturei negi atdwīsin, negi pakajan! Būsei pansdau, kai tāns perēilai etkūmps be perpīdlai, kan ast rangtan!

6. **Из письма.**

...šis malnīkīks vūkavi mans enēitun pra stan vartan, sklāit eraina varta veda en P r a g ū b t i n . Stai Pragūbtis ast izvinpaus kērdas, stese pagan stāi ast eksistencisku faktis, ainunts faktis, kas realiskai eksistai. Ergo: Pragūbtis emens ast P r e s t i s .

Aber ainunts, kas izmaitina pavīstins, kai stāi ni virsei en faktans, ast vārgan = eksistencijās labas nibūtiskai. Jau stāi nibūtiskai ast s t ū n s n a be stīnsna ast labas kompensācija = upera.

Stese pagan Prestis emens ast I z p i r k s e n i s = Rekreācija (!) kaigi majun be tvajun stangun be stīnsnūn (plg. slavun *страда*!) upera en visamuzīngai deivūtiskai visun atsklāitun uperun Šuman, kas segē stans uperans izperkantans. Stai Suma ast Īzus Kristus, kas gema numans šan deinan be visadan.

Stese pagan krikstijānistā ni ast religija, sklāit majās be tvajās gīvatun deininiskā eucharisti-jās upura na ainuntan h i s t o r i s k a n Golgotas skrīzin.

Pakāi Jūmans, visamans labas kvaitas zmūnentimans be visamans kitamans!
 Laimīngan Naunan metan! ...Erains Nauns metis pīslai mans en tūls be tūls laimīngan be teisīngan Pragūbtin!...

7. **Из грамматики новопрусского языка.**

Eze naunaprūsiskan gramatikān

En naunai prūsiskai bilan ast keturas lankīsnas — nominatīws, genitīws, datīws be akuza-tīws, dwai gīrbei — ainrekensnis be tūlrekensnis, be tres gimtas — wīriska, geniska be nikatra. Substantīwan be adjektīwan deklinācija ast keita be mingsta. Sen prepōzīcijans ast prawartinama akuzatīwas forma, ikai tenei ni waidina atsklāisenin sirzdau inēšwīskesmu be alatīwīskesmu auzentlins. En inēšwīskesmu āuzentlen prawartinama datīwas forma ader substantīwas, ikai stas ēit aīns, ader ter adjektīwas, ikai substantīws sendāts sen adjektīwu.

Wīriska gimta

labas wīrs (geītis, dāntis, kērmens, sūnuš)
 labas wīras (geitis, dantis, kērmenes, sūnus)
 wīru (geītei, dāntei, kērmenei, sūnu)
 wīran (geīten, dāntin, kērmenen, sūnun)
 labesmu }
 laban }
 labai wīrai (geītei, dāntis, kērmenis, sūnus)
 laban wīran (geīten, dāntin, kērmenen, sūnun)
 wīramans (geītimans, dāntimans, kērmēmimans,
 sūnumans)
 labamans } wīrans (geītins, dāntins, kērmēnins, sūnuns)
 labans }

Geniska gimta

laba gena (gīwi, nautis)
 labas genas (gīwis, nautis)
 genai (gīwei, nautei)
 labai } genan (gīwen, nautin)
 laban }
 labas genas (gīwis, nautis)
 laban genan (gīwen, nautin)
 genamans (gīwīmans, nautimans)
 labāmans } genans (gīwīns, nautins)
 labans }

Nikatra gimta

laban azaran (medu)
 labas azaras (medus)
 azaru (medu)
 labesmu } azaran (medu)
 laban }
 laba azara (medu)
 laban azaran (medu)
 azaramans (medumans)
 labamans } azara (medu)
 laba }

Verbs zina āugerdin, kērdan, persōnan, gīrben, diatezin, aspektan.
 Augerdis ast indikatīws (trepai), konjunktīws (treplai), optatīws (trepei) be imperatīws (trepais).

Kērdas ast prezenss (weda, bilāj), preterits (wedāja, bilāja), be futūrs (perweda: wīrst weduns, pabilāj: wīrst bilītwuns).

Persōnas ast tres be dwai gīrbei:

weda (gēide, zina, waitia, druwēj) wedimai (gēidimai, zinimai,
 waitiamai druwēimai)

weda (gēide, zina, waitia, druwēj) wediti (gēiditi, ziniti,
 waitiāti, druwēiti)

weda (gēide, zina, waitia, druwēj)

8. **Перевод отрывка из работы о пруссах.**

Aulaūsna bilās be amzis, kvai pausantras tūsimitas metun bēi pirsdau istōrijās akīns, est waidamā. Bēi prūsai tikrōmai anga nitikrōmai en swajasmu pōdīrin na gīwatan, be niperlānkia-mai eze stan, anga mes mazimai līgintwei eze teneisun tikrōmiskan anga nitikrōmiskan, tenei-sun aulaūsna est pamesenis zmūnentijai be zmūnentiskai. Stese pagan tkai deītkas pamestās kultūras etteikūsna jāu sandāstisi san morālēs perdājai...

9. **Из новогоднего поздравления.**

As ebkailina Vans be eze visan sīras kvai Jūmans tūlan laimen be tuldīsnan en Naunan 1982 metu!...

10. **Из посвятельной надписи.**

Majāsmu milan N-an sen ukāšīriskan dinkausegīšnan. Tvais K-s.

M.L. PALMAITIS, W.N. TOPOROW

DAS PRUßISCHE – VON DER REKONSTRUKTION
 ZUR REKREATION
 (Zusammenfassung)

Das Prußische (Altpreußische) wegen der quantitativen und thematischen Beschränktheit seiner Texte gehört zu der Kategorie der "nicht vollen" gestorbenen Sprachen, ebenso wie das Gotische, Altkirchenslawische oder Altpersische. Hier ist am wichtigsten die Rekonstruktion der nicht belegten Elemente des Sprachsystems (oder des Textes) derselben chronologischen Schicht. Die Annäherung zum "idealen" Text ist schon in der klassischen Beschreibungsperiode begonnen, und diese Beschreibung wird auch heute fortgesetzt (genug zu sagen, daß wir noch keine Rekonstruktion des Proto-Texts aller Katechismen haben).

Wenn die Richtung und die Objekte der Rekonstruktion durch die Lakunen unsres Wissens bedungen werden, hängt die Möglichkeit sicherer Rekonstruktion von dem Charakter des Verhältnisses zwischen dem bekannten und unbekanntem Teile des Systems ab. In einigen Fällen ist es automatisch-impliziert und in den anderen ist es vermutlich, insoweit jenes Verhältnis nicht nach dem einen einzelnen Schema sich realisieren kann und der Forscher solch ein Verhältnissystem auswählen muß, das mit größter Sicherheit das rekonstruierte Element erklärt. Bei der paradigmatischen Unvollendenheit konkreter Wörter ist am einfachsten der "Zug" in einer (oder mehreren) Form(en) bekanntes Wortes durch die anderen Formen desselben Paradigmas, die sich nach automatischen Implikationen und elementaren Analogien rekonstruieren lassen. Diese Prozedur nennen wir eine *Ergänzungsexplikation*. Das ist keine Rekonstruktion im strengsten Sinne, weil die letztere nur das Wissen des Systems in seiner Synchronie beansprucht, aber was die echte Rekonstruktion angeht, ist immer diachronisch, und die wirklich rekonstruierten Fakten im Vergleich zu den belegten Texten auf jeden Fall der tieferen chronologischen Schicht gehören. Die Ergänzungsexplikation ist ein mittleres Glied zwischen der historisch-vergleichenden Rekonstruktion und der Rekreation.

Also knüpft sich letztere als eine Ergänzung nicht voller Sprache an die Ex-

plikationen der in der Sprache belegten Verhältnisse und an die Explikation obengenannter Art, die von ihrer Seite auch für die historisch-vergleichende Rekonstruktion nützlich sein können. Im Fall des Prußischen zeigt die Rekreation den Weg nach einer eigentümlichen Sprache, die die Begrifflichkeit und die Regelmäßigkeit umfaßt. Die erstere ist ein Ergebnis der Unbeweisbarkeit rekreativer Elemente auf Grund der altprußischen Textologie, sowie ihrer Orientierung nach etwas Verallgemeinertes, d.i. nach einem Typus. Die letztere ist ein Ergebnis der Ergänzung des Regulären, d.i. der Ableitung neuer Elemente vom bekannten Material nach den Regeln, die gewiß und regulär sind.

Da das rekreatierte "ideale" Prußische prinzipiell neue, nach dem Untergang der Sprache erschienene Situation beschreiben soll, ist sie teils historisch und teils überhistorisch und setzt sich aus dem etwas geordneten Kern altprußisches Systems und den historisch nicht belegten, aber durch die Explikation ergänzten, Elementen zusammen.

Fortan nennen wir diese rekreatierte Sprache *Neuprußisch*, engl. *Modern Prussian*, franz. *Le prussien moderne*, lit. *Naujoji prūsų kalba*, lett. *Jaunprūsū valoda*, russ. *Новопрусский язык*, poln. *Język nowopruski*, finn. *Uuspreussilainen kieli*, ungar. *Uj porosz nyelv*, gr. *Ἡ νεοπρουσική*, georg. *axali prusuli ena* (nicht *prusiuli* "Preußisch"!), japan. *kindai parotsuago*, arab. *al-luġatu 'l-burūsiyya al-ġadīda*, iwr. *p(e)rūsīt haḥādāša*, arm. *nor pruserel*, Hindi *navprūsī bhāṣā*, lat. *Lingua borussica nova*, Esper. *la lingvo nova prusa* usw. Auf neuprußisch selbst ist es *Stai Nauna prūsiska bila*.

Der Sinn und der Zweck dieser neuen Sprache folgt aus manchen allgemeinen Aufgaben, die dieselbe Idee der Rekreation bedungen haben, u.zw. aus einer sprachwissenschaftlichen, einer theoretisch-informativen, einer kulturgeschichtlichen und einer moralischen.

Unter den sprachwissenschaftlichen Aufgaben ist es zu erwähnen die Ergänzung defekter Paradigmen, Feststellung der elementaren syntaktischen Satzbildungen, Erweiterung des Lexikons, Feststellung der vollen Sprachstruktur in ihrer Synchronie (diese Struktur, die mit der idealisierten Altprußischen übereinstimmt, schiene ein anfänglicher Zustand fürs Neuprußische zu sein), Feststellung der Entwicklungsrichtung des Altprußischen *à la recherche de l'histoire perdue*, Ermittlung der Quellen gleich für die Rekonstruktion und für die Rekreation, Feststellung der Tiefabhängigkeit zwischen einer experimentalen Struktur und der Struktur, die durch das Experiment modelliert wird.

Unter den theoretisch-informativen Aufgaben hat man die Abhängigkeitsgattung zwischen dem bekannten und unbekanntem zu erkennen, und die unabwendbare Entropie bei der Informationsübernahme vom defekten und irregulären Altprußischen zum vollen und regulären Neuprußischen einzuschränken. Die Erkenntnis jener Abhängigkeitsgattung der Synchronie und Diachronie kann der diachronischen Typologie wesentlich dienen.

Da bei der Rekreation die Benennungen altprußischer Kulturelemente, ebenso wie eine Reihe von mythopoetischen, juristischen u.dgl. Texten in großer Menge wiederhergestellt werden, ist die Kulturgeschichtliche Aufgabe damit wichtig, daß sie mit der Verbreitung unsrer Begriffen von der geistlichen und materiellen Kultur der Prußen zusammenhängt und die Beschreibung des prußischen Weltmodells auf selbst prußisch (und nicht in den anderen Sprachen, die zu den anderen, eigenen Modellen bestimmt sind) ermöglicht. Dabei geschieht es so oft, daß einige, ihre eigene prußische Form wiederbekommenden Inhaltseinheiten in dieser wiederbekommenen Form mehr authentisch werden, z.B. die Rückübersetzung der rituellen Anrede am Toten (s. H. Maletius "Von den toden"), die einige Elemente der Totenklage hat, weist vierzeiligen Chorus auf und daraus wird die neue Information herausgebracht.

Eine am höchsten begeisternde Aufgabe der Rekreation ist moralisch. Unter

den Umständen der Devaluation großer geistlichen Werte, der unerbittlichen Automatisierung des eigenen Quellen entfremdenden Lebens, des Wachstums der Unruhe, Ungewißheit und Angst in verschiedenen Punkten der heutigen Welt und am meisten — in Europa, erscheint in den letzten Jahrzehnten eine Nostalgie an der real- oder ideal-harmonischen Vergangenheit, eine Neigung zu revidieren die alternativen Varianten der Europasgeschichte, in der einen oder anderen Form zurückzukehren auf der zwangsweise unterbrochenen Entwicklung verschiedener Kulturen und Sprachen, zu halten jene Unterbrechung für einen Verlust nicht nur in den Hinblick auf das Opfer, sondern auch auf den Lebendigen, und darauf eigene persönliche oder historische Verantwortung und Schuld anzuerkennen. Jene alte historische Schuld verschmelzt sich mit der gestrigen aber noch lebendigen Nationalschuld, und im Schuldinn erlebter Untergang der Welt der Prußen erzeugt den Willen, das Verlorene im Gedächtnis zu bewahren und wiederzuerwecken, sich anzueignen und dadurch ihm einen Weg zur Wiedergeburt zu öffnen. Nicht zufällig in diesem Kontext ist das Interesse für die Prußen, das in Forschung und Kunst heute bestätigt ist, ebenso wie in Versuchen des Wiederaufbaus vergangener Lebensformen der Prußen oder ihrer Sprache als eines Mittels beschränkter mündlichen und schriftlichen Kommunikation. Hier kann man also auch von einem psychoterapeutischen Effekt solcher Versuche sprechen.

Darum ist die Aufgabe der wissenschaftlichen zweckmäßigen Rekreation der Prußischen Sprache gerechtfertigt und zeitig. Die Lösung dieser Aufgabe in dem ersten Stadium verlangt die Quellen der Rekreation festzustellen, den graphischen, phonetischen, grammatischen und lexikalischen Schichten gemäß ein Programm der Rekreation auszuarbeiten, möglichst verschiedene Genres widerspiegelnde Texte zu verfassen.

Nach endlicher Feststellung der Lautgleichwertigkeit altprußischer Wortformen und ihrem phonetischen Interpretieren, muß man sich die gründlichen Prinzipien bedingter phonetischen Transkription ausmachen und demgemäß das angenommene unifizierete graphische Schreibsystem zu allen neuprußischen Wortformen anzuwenden. Dabei ist eine schöpferische Verallgemeinerung der litauischen und der lettischen Praxis selbstverständlich.

Die Feststellung der neuprußischen Prosodie und Lautcharakteristiken, die nicht nur für eventuelle Gesprächs-, sondern auch für Lesensmöglichkeit wesentlich ist, verknüpft an die Auswahl literarischer Norm, bei dem in streitigen Fällen (Variieren, Abwesenheit u.s.w.) konventionelle Entscheidungen zulässig sind. Der Vorzug wird natürlich dem sambischen Dialekt gegeben, die pomesanischen Angaben sollen phonetisch (und bisweilen auch morphologisch) sambisiert werden. Wenn die sambischen Daten, von den pomesanischen unterscheidend, nicht zu finden sind, oder wenn die letzteren auf die entstehende Norm mehr passen, der Gebrauch der Pomesanismen gerechtfertigt wird.

In Hinblick auf die neuprußische Morphologie muß man auf den konkreten Zustand der Sprache zum 16. Jhd. achten und die Versuchung tieferer Rekonstruktion überwinden. Bei der Deklination ist am wichtigsten der überhandnehmende casus generalis auf -n. Gleiche Verallgemeinerungsprozesse sind eigentümlich auch bei dem Verb, wo die Rekreation der modalen Formen die größten Schwierigkeiten macht. Unvermeidlich sind daher typologische Implikationen von der einen Seite und von der anderen — die Berücksichtigung der konkreten ostbaltischen und teils slawischen Idiome, besonders derjenigen, die eine starke Germanisation erfahren haben. Die Resultate der morphologischen Rekreation werden in den Listen der Kategorien und der entsprechenden Gramme, Ausnahmen u.dgl., sowie in grammatischen Nachweisen bei flexiblen Wörtern, in Bemerkungen u.a. vorgelegt.

In Hinsicht auf die Syntax, die im Altprußischen am meisten defekt und

verzerrt ist, soll die Rekreation elementarer Satzbildungen, Wortfolge, Wortfügung, die Unifikation verschiedener Arten absolutes Satzbaus, die Einführung mancher syntaktischen Idiomatismen, die Lösung der Probleme der syntaktischen Semantik u.s.w. durch die Baltisierung syntaktisches Repertoires erreicht werden auf Grund des bekannten ostbaltischen Materials. Der Weg ist von einer etwas unbestimmten Syntax zur endlichen Spezifikation neuprußischen Textarten gemäß.

Lexik macht den Kernpunkt der Rekreation, denn die letztere gelingt, nur falls die Geschlossenheit des Prußischen durch die stilistische, thematische und generische Textvermehrung überwunden wird. Da die bekannten Ergänzungsquellen, wie Anthroponyme, Toponyme, Prutenismeninventar, Derivationsmodelle u.a. unzulänglich sind, nimmt wesentlich die Rolle der äußeren Quellen zu. Man fängt mit einem oder zwei Hunderte von Litanismen und Lettonismen an (am meisten derjenigen, die in den beiden Sprachen, und sogar noch besser — auch im Slawischen, zusammentreffen) und mit der gleichen Zahl nach der litauischen, lettischen, polnischen oder deutschen Weise angeeigneten Internationalismen. Slawismen sind zulässig, wenn sie eine Entsprechung im Ostbaltischen haben, oder arealeigentümlich sind, oder wenn es kein Wort baltischer Herkunft im Litauischen und im Lettischen vorhanden ist. In letztem Fall ist die Verwendung slawischer Wurzelrekonstruktion statthaft. Wenn zwei ganz verschiedene litauische und lettische Derivate einem Lexem entsprechen, kann man das slawische Derivationsmodell kalkieren. In Zukunft verspricht der Fortschritt der Sprachgeographie den Forscher mit genaueren Kriterien der Wahrscheinlichkeit der äußeren Rekreation zu versorgen.

Die Resultate der lexikalischen Rekreation sollen vorgestellt werden in einem vereinigten neuprußischen Lexikon, wo bei jedem Wort die Quelle seiner Rekreation nachgewiesen wird, in einem fremdsprachlich- (litauisch-, deutsch- oder russisch-) neuprußischen Wörterbuch, in einer speziellen Liste der Neologismen. Die Listen fehlender Wörter werden als Grund lexikologischer Konkursen dienen.

Die Sprachrekreation ermöglicht die Erzeugung der Texte und existiert selbst infolge der Texte, Darum ist es wichtig, welche Texte zu rekreieren sind und die Rekreation welcher vorläufig erwünscht ist, welche Quellen und welche Zweckmäßigkeits- und Sicherheitskriterien dafür vorhanden sind. Daher gibt es auch die Frage der Genrestypologie.

Am leichtesten und mit der größten Sicherheit lassen sich religiöse Texte rekreiert werden, insoweit ihre altprußische Quelle sehr klar und reichlich ist. Es gibt etwa 30 volle Bibelzitate in den drei Katechismen, meistens aus dem Neuen Testament, ebenso wie viele Erwähnungen und Wiedererzählungen neutestamentlicher Fragmente. Schon das mechanische Zusammenfügen mancher zerstreuten Zitate ergibt vollständige Bibelauszüge. Für viele nicht übersetzten Auszüge gibt es alle nötigen Wörter und fast alle grammatischen Formen. Dafür wäre eine textologische und phraseologische Konkordanz notwendig, jenen Teil des Neuen Testaments festzustellen, der nur mit der Hilfe des vorhandenen altprußischen Lexikons rekreiert werden kann. Im Fall solcher Übersetzung erscheinen das alt- und das neuprußische als zwei Realisationen derselben Einheit.

Neben dieser Bibeltexte katechetischer Art, zugänglich sind auch Übersetzungen evangelischer Parabeln des einfachen Sujets, Predigttexte und bekannte Gebete. Es gibt auch die Gründe für die Rekreation ritueller Texte prußisches Heidentums. Die Quelle sind die prußischen Fragmente, die in die deutschsprachige Ritualienbeschreibung von H. Maletius und M. Pretorius eingesetzt sind, sowie ihre vollige deutschen Versionen.

Rekreationen aller anderen Arten können nicht mehr ans authentische sprachliche oder übersetzte altprußische Substratum verknüpfen. Dazu gehören Kompositionen folklorischer und mythologischer Texte auf Grund der Mittelalterli-

chen Kunsten, sowie Beschreibungen der Lebensweise der Prußen, ihrer wirtschaftlichen, gesellschaftlichen und Familienverhältnisse, der Geographie Preußens und seiner Nachbarländer u.s.w., wofür verschiedene Fragmente aus Dusbürg, Grunau und anderer Historiker, sowie die Beschreibungen prußischer Ethnographie vom 17. Jhd. an benutzt werden dürfen. Zuletzt folgen die modernen Themen und Genres, die unter den Prußen keineswegs existierten, z.B. wissenschaftliche Aufsätze, die Beschreibung der neuprußischen Grammatik u.dgl., dazu auch Übersetzen und Schaffen verschiedener Literatur, zuerst über die Prußen, epistelare Stücke und andere Aufzätze, die im Aspekt der Sinnesmodellierung und nicht im Aspekt der Realität solcher Texte in prußischer Tradition wertvoll sind. Wegen der verschiedenen Ziele jener Kategorien neuprußischer Texte soll auch ihre Veranschlagung differenziert sein. Wir hängen weiter manche Proben der neuprußischen Texte an.

Die Verfasser hoffen, daß die aufgeworfenen Probleme ein Interesse von der Seite der Spezialisten erregen und eine Diskussion anfangen werden.

V. И. МАТУЗОВА

НЕКОТОРЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ "ХРОНИКИ ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ" ПЕТРА ИЗ ДУСБУРГА

Начата работа над подготовкой к изданию "Хроники земли Прусской" Петра из Дусбурга. К вопросу об его археографических принципах мы обращались некоторое время тому назад¹, поэтому в данной статье напомним только, что оно будет иметь структуру, подобную прочим выпускам Свода древнейших источников по истории народов СССР: вводная статья, текст памятника на языке оригинала, перевод, комментарий, указатели.

Для отечественной историографии "Хроника" Петра из Дусбурга представляет немалый научный интерес как источник по экономической, социально-политической истории и этнографии Пруссии и Литвы, а также по истории борьбы прусского и литовского народов за независимость в XIII—XIV вв. Исторической ценностью источника и необходимостью с наибольшей полнотой раскрыть его идеологическую направленность и культурно-историческую сущность объясняется решение издать источник не в виде фрагментов, но полностью. Таким образом, советские читатели впервые смогут познакомиться с этим памятником в полном переводе на русский язык.

Сложность работы над "Хроникой" определяется прежде всего характером самого сочинения. "Хроника земли Прусской" содержит обширный материал по истории Тевтонского ордена со времени его основания в конце XII в. до 1326 г., времени окончания работы над памятником, с преимущественным описанием его завоевательных действий в Пруссии. Хронологические и географические рамки несколько расширяются в Книге дополнений, образующей широкий всемирно-исторический фон для узкорегиональной истории Тевтонского ордена в Пруссии и завершающейся 1330 г. Хронист создает своеобразную апологию Тевтонского ордена, тем самым превращая свое сочинение в орудие идеологического самоутверждения государства немецких крестоносцев в Пруссии. Этой политической

¹ Матузова В.И. Археографические принципы издания "Хроники земли Прусской" Петра из Дусбурга (тезисы доклада). — В кн.: Материалы Межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии Прибалтийских республик Союза ССР: Источниковедение. Вильнюс, 1978, с. 19—21.